

/XI. Петербург, 1848, IV. 23.

С.Петербург, 11/23 апреля 11 ч.вечера.

Дорогой Как

... Прежде всего хочу выразить тебе сердечную благодарность за твое чрезвычайно интересное письмо. Оно, правда, содержит мало новых фактов, о которых я не знал-бы из газет, но самые существенные события сопоставлены там с такой ясностью и наглядностью, какой я не встречал еще нигде. В то-же время это письмо произвело на меня и на других известное успокаивающее впечатление... У меня слюнки текут при мысли о прагматике этих событий, которую ты мне обещаешь. Я не прощаю ее тебе ни на момент ¹⁾ и жду ее как возможно скоро... Что-же я могу тебе написать? ведь я совершенно вышел из сферы этих волновых движений и перемещаюсь по старым, привычным рельсам; за исключением разве того, что вместо французских романов я читаю невероятно романические газеты и иногда размышляю, чтобы постичь " *the very age and body of the time, its form and pressure* " ("самый возраст и сущность времени, его форму и давление"). Но это сейчас правда-же не легко, а в результате может быть и не так трудно, если не предаваться иллюзиям и рассматривать вещи издали, и с более объективной точки зрения. Но я - человек аналогий; меня смущает, если я обращаю к истории вопрос о настоящем, а он замирает без ответа, ибо такого внезапного и решительного переворота всех соотношений и всех вещей нельзя, действительно, найти ни на одном этапе истории. Может быть, разве только

тогда, когда в античном мире родилось понятие единого бога и христианства, могло иметь место подобное движение умов. Но это понятие стоило всей чудесной античной культуры. Ибо она погибла не столько от переселения народов, сколько от этого понятия. Я спрашиваю тебя - сможет ли наша современная цивилизация противостоять этому стремлению к социальному перевороту, вполне оправдываемому и с моральной точки зрения, и внешней необходимостью? Сможет ли она противостоять? Я думаю - нет. (Сейчас как раз палат пушки с крепости, звонят все колокола, весь Петербург освещен, приветствуя воскресного Христа ²⁾).

Мы получаем здесь все газеты в более или менее полном виде и цензура здесь не строже, чем например прежде в Пруссии. Я сам выполняю скучную работу - читаю Аугсбургскую общую, *Hand und Spinnel'sche* и Правительственную газеты и нахожусь *au courant* (в курсе) событий. Я поэтому разрешаю себе немного заняться политикой и сообщить тебе мой взгляд на вещи афористически и раньше, чем узнаю твой (взгляд).

В основе современных революций лежат, как мне кажется, 3 момента: 1/ политический, 2/ национальный, 3/ социальный. В Германии и других странах пока преобладают два первых, ³⁾ во Франции - безусловно последний. Здесь форма государства стала безразличной, республика, абсолютная или ограниченная монархия, это для Франции уже не играет роли. Должен быть разрешен социальный вопрос или по крайней мере сделана попытка к его разрешению. В других

странах должен пройти еще десяток лет, а может быть и несколько десятков, пока этот вопрос станет самым мощным и поглотит все остальные. Мирное его решение представляется мне совершенно невозможным, даже при самом добром желании с обеих сторон, - имущих пожертвовать своим достоинством, ниимущих - удовлетвориться. Богатые станут бедными, это так; но бедные будут голодать, что и было-бы наиболее целесообразно, если бы случилось в меру; нужно было-бы столь согласиться на столь большое самоотречение. Теперешние условия во Франции показывают в самом резком освещении пустоту всех экономических, финансовых и кредитных отношений, - отношений, которые были основой всех государственных и личных связей и которыми гордились, как достижением. Теперь мир видит с ужасом, что своим трудом в продолжении столетий, всем своим разумом, он построил конус вершиной вниз, который до сих пор удерживался в неустойчивом равновесии посредством замечательных фокусов, но который безудержно опрокинется, стоит ему покачнуться. Возьми второй дифференциал от теперешнего мирового положения и исследуй знак. Ты увидишь, что это +. - А если ты посмотришь на Восток, история которого нам к сожалению плохо известна, и на установления которого смотрят, как на нечто, тормозящее движение свободного духа,⁴⁾ ты и здесь увидишь пирамиды, но с прочным фундаментом и вершиной, обращенной к небу. Мы считаем историю десятилетиями, они - эонами. Когда у нас было разрушение и гибель, у них были только шатания. Персы могли покорить Египет, монголы и татары - Китай, но

Египет остался Египтом, и Китай - Китаем. Все чуждое было полностью поглощено мощью их установлений. Конечно, с течением времени - но какого времени! - вершины этих пирамид выветрились и рассыпались, основание покрылось обломками и мохом. Мы должны по крайней мере отдать должное народам Востока: строить и сохранять они умели.

У нас дело, в сущности, в том, что при всем человеколюбии в конце концов приходится прийти в отчаяние от человечества. Человек не только необычайно ограничен, как говорит Стеффенс,⁵⁾ но, как показывают первоисточники нашей истории, совершенно неспособен регулировать должным образом взаимоотношения как внутри себя, так и с условиями природы. В действительности можно сказать, что не вещи и представления о них ~~но~~ необходимости превращаются в свою противоположность, а извращенность человека служит причиной этого превращения. В здоровом организме не чувствуется, в сущности, ни один орган, потому что они все составляют один общий организм; но как только например печень захочет доказать, что она существует, человек желтеет и даже может умереть от такого доказательства, особенно если и другие органы вздумают доказывать свою самостоятельность, т.е. если они пожелают стать самоцелью. В органической массе, которая гниет и бродит и копошится от червей, нет уже никаких самостоятельных органов, и все же есть движение - свободного духа - червей. - В течение своего хода история, и в частности, история культуры, безусловно обнаруживает весьма значительное количество идей,

мыслей и понятий, которые, обладая вначале высшей простотой и замечательной целесообразностью, стали вследствие своего искажения - проклятием, и, поставив себя самоцелью, вызвали разложение общества. В новейшее время есть такие вещи, которые сами по себе очень разумны, но которые несут тяжкую ответственность за теперешнее мировое положение - например, машины. Если человек - разумное существо и, как полагают, призван к высшему назначению, то, в сущности, — ~~это~~ прекрасная мысль, что он должен быть освобожден от материальной работы, возвышен над простыми силами природы и приобщен к работе духа. Человек должен быть чем-то большим, чем водопад, четверик каменного угля или бык. Против этого, конечно, возражать не приходится. С этой точки зрения можно, как бы в религиозной области, фанатически ратовать за машины. Но ирония вещей состоит в том, что машины, чтобы оправдать себя, с одной стороны дают до бесконечности растущую продукцию, которая от них вовсе не требуется, с другой, поскольку и пока их собственные органы еще не достигли необходимого механического совершенства, они еще принуждены призывать на помощь теперешние-же средства, хотя и в другой форме. Прежде от человека требовался его вес и мускульная сила, теперь - строение его пальцев, чтобы, например, связывать концы оборванных ниток и т.д. Положение осталось в основном то-же, или даже ухудшилось. Ибо когда человек применялся в качестве движущей силы, это было связано с известной крепкой организацией, и тем самым количество продукции было ограничено. Но для индиви-

^гдумов, которые должны изображать щипцы или пинцеты, не
 нужно особо тщательного выбора. Поэтому требуется тем
 больше таких щипцов, чем более растет продукция. Отсюда
 - используют женщин, детей. Это вовсе не отвлеченное со-
 ображение, напротив, к созданию, очень конкретное. Таким
 образом при настоящих условиях нет особо широких перспек-
 тив к эмансипации рода человеческого посредством машин. -
Торговля. Самое упрощенное, но и самое верное понятие
 торговли - осуществлять посредничество между производством
 и потреблением. В этом смысле торговлю можно сравнить с
 теми органами машин, которые служат для передачи движения
 от точки приложения силы к точке приложения работы. Как
 известно, такие органы всегда связаны с бесполезной рабо-
 той и потерей силы. Поэтому чем непосредственнее, без ущер-
 ба для силы или работы, взаимодействие этих двух точек,
 тем выгоднее построена машина. Вместо этого, торговля ста-
 ла стремиться сделаться чем-то самостоятельным, своего ро-
 да производительной силой, и получила широкое признание в
 государствах вследствие совершенно ложных и извращенных
 понятий. Или, вернее, не столько вследствие ложных понятий,
 сколько благодаря тому, что она дала возможность государ-
 ствам изыскивать средства для осуществления их специальных
 целей, или для реализации их собственных ложных понятий.
 Но чтобы удерживать это положение, необходимо создать ис-
 кусственное потребление и искусственные запросы, а это
 тем легче, что машины открывают перспективы неограниченно-
 го производства. Это направление само по себе еще не есть

ало, оно даже в известной мере необходимо. Украшение жизни вполне оправдано, когда выполнена ее серьезная сторона и ее работа. Но когда с течением времени образуется значительная часть общества, для которой в жизни нет серьезности и нет работы, которая, не давая обществу эквивалента за свое существование, берет от него силы и продукцию в значительно ^ббольшой мере, чем может оправдать, - тогда, особенно при быстром росте народонаселения, наступает состояние, которое тем более нетерпимо, чем с ^ббольшим трудом и опасностями сопряжено осуществление минимальных условий, необходимых для материального существования. Часто возражают, что часть общества, о которой я говорю, в основе слишком незначительна, чтобы с нею считаться. Это неверно. Эквивалент, предлагаемый обществу, по ^ббольшой части только кажущийся. Ты можешь сделать в машине сотни колес вместо двух. Каждое из них будет выполнять свое назначение и будет на должном месте. Перед тобой прекрасно организованное целое: } как только ты вынешь одно из колес, машина остановится. Но в том-то и обман, - и место этого колеса, и его назначение - не необходимо. Ты скажешь: стало-быть, упрощение управления, это-то вам уже дадут ваши конституции. Но я скажу больше: упрощение всех средств и снижение их до истинного значения. О том, как общество дошло до теперешнего своего состояния, как постепенно все взаимоотношения потеряли свою естественную обусловленность, можно написать целую толстую книгу. В нее внесли немало отвлеченные искатели *perpetuum mobile* ^(вечно движущийся) в хозяйственной области. - Еще

и другие, не менее разумные вещи, подверглись каррикатурному искажению, например, мысль облегчить средства сообщения; создать оборотные средства, основанные на кредите и т.п. Благодаря неправильному толкованию и применению этих средств, которое отчасти исходило от самих правительств, ощущающих теперь проклятие такого ложного истолкования, в общество проник еще один чрезвычайно деморализующий элемент - спекуляция. Банда азартных игроков, которые душат друг друга из за пустых мыльных пузырей из пота и крови... Как выправить вновь все эти бесчисленные и вконец искривленные взаимоотношения так, чтобы при этом все не затрепало и не обрушилось, и все достижения нашей цивилизации не оказались также сброшенными в пропасть - это-то и есть великая задача, которую, как приходится опасаться, не смогут разрешить ни рабочие министерства, ни рабочие парламента, ни конституционные формы. Поэтому очень наивно звучит то место в твоём письме, где ты говоришь о равномерном повышении заработной платы угнетенного рабочего класса. *Kic Rhodus, kic salta!** Вычисли, как можно было-бы этого достичь, и создай для этого формулу. К несчастью, в нее будет входить $\sqrt{\quad}$ - I и она будет представлять бездонную воронку. - Абсолютные монархии, которые, не предаваясь никаким иллюзиям, направили-бы всю свою заботу на низшие слои общества, пожалуй были-бы еще наилучшей гарантией сохранения и неизменности естественных и справедливых условий общественного порядка. Однако новому Макиавелли пришлось бы в новом издании труда "del principe"

("о князях")
** "Здесь Родос, здесь и прыгай!"*

очень настоятельно рекомендовать главе государства самоограничение посредством совести и разума.

Если от этого неясного будущего обратить взгляд к настоящему, то человеку, который стоит на объективной точке зрения, который не руководится никакими партийными интересами, представится богатый материал для смеха. Михель, которому зарейнский сосед придал храбрости, подражает всем тамошним *salto mortale* ^(говоря о прыжках) забавными обезьяньими прыжками, притом с серьезнейшей миной, и проявляет божественнейшую грубость, разевая рот необычайно широко. Решение всех социальных проблем - для него детская игра. Со всем этим распространяются чисто умозрительным образом, на почве мысли. Он радуется тому, что наконец имеет немецкий национальный флаг, флот конечно за этим последует; как Морицен, который всегда носил шпоры и ходил с хлыстом, не имея верховой лошади. Книгопродавец Пельц, ⁶⁾ который после ряда жульничеств удрал из Петербурга, жалуется во Франкфурте немецкую императорскую корону! Как прежде спрашивали "ist denn kein Salz da?" ⁷⁾ так в будущем будут спрашивать о Пельце! А.Эрман ради прямых выборов указывает адрес ⁸⁾ - Пернебергу. Жаль, что королю пришлось отказаться от Дове ⁹⁾: он нашел бы во Ффурте неистощимый источник остроумия. Не говори мне никогда, что ^{Vatermörder} Дове меньше 4-х дюймов! Если-бы Альтенштейн был жив и их видел! Широчайшие основы! "Раздавленный творог делается шире, но не крепче"! Масса, потрясающая тирсами! Никаких ^{Ergebnisse} ! - Пожирательство русских, и конца не видно! На Ффуртское Национальное

Собрание ¹⁰⁾ устремлены теперь все взоры, но все произносимые там до сих пор речи и парламентская позиция не дают особой надежды на то, что из него произтечет столь необходимое в конце концов твердое положение вещей. Это собрание стоит и в смысле образования, и в смысле основательности, значительно ниже прошлогоднего объединенного ландтага. Но чего и ожидать там, где исчезает всякое соблюдение меры и законом становится необусловленное? Во всяком индивидууме, как известно, имеется некоторое скрытое количество глупости и низости, которое при взаимном индукционном процессе освобождается в тем большей мере, чем меньше становится сила сцепления. О! если-б сейчас на Прусском троне сидел Отто, Генрих, Фридрих Барбаросса или великий курфюрст. Но вода - конечно не годится, также как и - шампанское. ¹¹⁾ - Что же выиграют науки при таких движениях? Я думаю, что косвенным образом они выиграют от того, что многие, кто неспособны дать в этой области что либо дальное, бросятся в политику, где легче выдвинуться, напр. А. Эрман. Мне все-же кажется, что среди ученых нет особого расположения к общественным делам, Дове, ¹²⁾ Эрман и один врач ¹³⁾ - все, о ком я читал до сих пор. Некий д-р Рисс в Союзе ремесленников - вряд ли наш Петер? ¹⁴⁾ Так как дело становится серьезным, кажется и г. Розе притих. В *Hande und Sprengschm* была ведь уже статья о бесполезных ученых и художниках. Вероятно, под этим подразумевали Шеллинга, Дикерта, Тика, Корнелиуса. Ищи скорее полезные применения эллиптическим трансцендентным! Конституционные палаты требуют этого и

ожидают, что за ними будут ухаживать в той-же или в еще большей мере, чем за конституционными монархами. Экстраординарные профессора и приватдоценты уже и так в заговоре против вас...¹⁵⁾

Воинственный клич, под которым никто не разумеет ничего положительного, и который вызывает великую путаницу, это "национальность". Только то может быть ценно и достойно, что в состоянии обеспечить свою собственную способность развития. Могут ли сейчас еще возникать национальности в обычном понимании? В наше время, когда нет речи ни о чем, кроме как об уничтожении всех различий и всех особенностей, когда этому содействуют торговля, промышленность, железные дороги, влияя на язык, нравы, управление и т.п. А государства древней Греции, как они враждовали и воевали друг с другом, несмотря на единую национальность? Таким образом и здесь путанные противоречия. Если-бы теперь народам было позволено объединяться согласно своим случайным симпатиям и образовывать государства, то это еще не служило бы гарантией для будущего. Сила завоевания и власть договоров создавали от времени до времени длительные связи, ассимилировали Эльзас и Лотарингию с Францией, Силезию с Пруссией и т.п. Историческое право, если на нем основываться, не знает само, где оно начинается и где кончается. Симпатии сегодня одни, завтра другие. Из государств вскоре сделались-бы города. Остзейские провинции принадлежат к наиболее преданным императорскому дому, и низачто не пошли-бы на объединение с Германией. — Михель сослужил

миру большую службу своими симпатиями к полякам, ибо это не замедлило проявить вновь свою полную непригодность еще раньше, чем эти симпатии могли созреть. Этот несчастный благородный народ, как теперь всегда говорят, в сущности не внес ни одного морального момента в мировую историю, и лишь в некоторых случаях проявлял второстепенную добродетель молодечества, даже не храбрости. Глупости Виллисена ¹⁶⁾ заслужили гражданского увенчания, на иные результаты они никогда не могли и претендовать. Пусть Германия радуется, что Россия держит Польшу, ибо став самостоятельной, она сделалас-бы скорее авангардом России, чем заслоном против России. Последнее, правда, пока повидимому не необходимо, ибо наш кабинет к сожалению не питает завоевательных планов, а было-бы так хорошо жить в Константинополе! Кстати, удивительно, как никто не признает того, что Россия единственная из всех славянских народов имеет организующий государственный принцип и моральную основу. Я думаю, что здесь играет роль примесь норманнской крови.

Примечания:

- 1) Ср. письмо XLIII с примеч. 7.
- 2) Ср. стр. 191, примеч. 10: Первый день Пасхи, 23 апреля 1848.
- 3) Бидерман " *Das erste Deutsche Parlament* " /Бреславль 1898/ стр. 20, находит, что отдельные револю-

ционные выступления 1848 г. в Германии "имели более социальный, чем политический характер"; ср. еще стр. 13 относительно национального направления общественной мысли.

4) Здесь в письме замечание, касающееся лозунга "свободного духа", которое теперь уже не представляет интереса.

5) Генрих Стеффенс, "*Anthropologie*" /Бреславль 1882/, т. I, стр. 123; ср. также здесь стр. 4 /письмо II/ и стр. 5, примеч. 7.

6) Эд. Вильг. Пельц /Треймунд Вельп/, прежний книго-торговец, в 1829 г. из-за подлогов был привлечен к ответственности /см. *Anzeiger für die politische Polizei Deutschlands auf die Zeit von 1 Jan. 1848 bis zur Gegenwart* /Дрезден 1854/ стр. 50/.

7) "*Ist denn kein Dalberg da?*" - /"Там нет Дальберга?" / см. Бухмани, "*geflügelte Worte*" 20 изд. /1900/ стр. 530.

8) Д-р А. Эрман, профессор, стоит первым в числе четырех под воззванием от 18 апреля 1848, которое выпустил Берлинский Народный избирательный Комитет к провинциальным округам, призывая к организации демонстраций против косвенного избирательного права /см. Ад. Вольф, "*Berliner Revolutions-Chronik*", т. II /Берлин 1852/, стр. 216/.

9) Дове был в числе кандидатов в депутаты, избранных бранденбургскими сословиями 7 апреля 1848 г. в немецкое национальное собрание (см. работу Вольфа, упомянутую в

в предыдущем примечании, т. II, стр. 76). Эти выборы были однако, вследствие решения Союзного собрания, аннулированы королем; в соответствующем королевском указе, сообщенном 10 апреля Соединенному ландтагу, говорилось: "Его Велич. считает за благо отказаться от откомандирования представителей, избранных У ландтагом". (Вольф а.а.О. стр. 38).

10) Согласно дате письма, дело может идти лишь о предпарламенте, открытом 31 марта 1848 г., или собрании пятидесяти, ибо немецкое Национальное собрание было создано лишь 18 мая 1848.

11) "Английские и французские юмористические журналы обычно изображают Фридриха-Вильгельма IV с бутылкой шампанского в руке, и однако в этих инсинуациях нет ни одного правдивого слова. Король был чрезвычайно умерен в напитках", говорит известный чтец короля, Луи Шнейдер /" *Aus meinem Leben*" т. II (Берлин 1879), стр. 253/4/.

12) "С Дове, которого я встретил на прогулке, и который сейчас очень горячо работает здесь в области политики, я имел серьезную стычку. Он говорил с большой горечью о настоящем положении, в котором обвиняет единственно прежнее правительство; я отвечал ему, что я приписываю это положение в гораздо большей мере тщеславию, высокомерию и несправедливой, пристрастной критике его партии, ручных либералов. Он не хотел глотать эту пилюлю, но вынужден был проглотить", писал ф.Роон, впоследствии военный министр, 7-го мая, 1848; см. *Denkwürdigkeiten aus dem Leben des General-Feldmarschalls Kriegsminister Grafen v. Roon*"

т. I (3-е изд. 1892), стр. 157.

13) Вероятно, Руд.Вирхов. "В Казино городка Фридриха-Вильгельма профессор Эрман и прозектор Вирхов руководили демократией", пишет Роберт Шпрингер, "*Berlin's Strassen, Kneipen und Clubs im Jahre 1848* (Берлин 1850) стр. 79.

14) Нет, некий д-р М.Росс; см. письмо ~~4~~ КУП с прим.

15) Ср. напр. "*Inseratum*" в № 95, прилож. (20 IV 48) *Munde und Sprengerschen* газеты, а также статью в № 89 от 13 апреля 1848, и позднее в № 125, 30 мая 1848, см. также напр. "*Adresse zum Senate nicht gehörenden Academischen Lehrern an den illustren Senat der Universität Jena*" (Jena, март 1848).

16) Вильгельм фон Виллисон, + 1879 в чине генерал-лейтенанта, в 1848 королевский комиссар провинции Познань.

Nieftschel, стр. 173-182.